

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова»

На правах рукописи

НАСКИДАЕВА ЕЛЕНА ХАЗБИЕВНА

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ГОРСКИХ
ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА
(вторая половина XVIII – начало XX вв.)**

Специальность 07.00.02. - Отечественная история

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Владикавказ, 2011

Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУ ВПО Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Айларова Светлана Ахсарбековна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор НОУ ВПО
Владикавказский институт управления

Туаева Берта Владимировна;

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник СОИГСИ им.В.И. Абаева ВНЦ РАН и
Правительства РСО-А

Дзалаева Камила Руслановна

Ведущая организация: ГОУ ВПО Северо-Кавказский горно-металлургический
институт (Государственный технологический университет)

Защита состоится «24» июня 2011 года в 16.00 на заседании диссертационного совета Д.212.248.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л.Хетагурова (362025 г.Владикавказ, ул. Ватутина,46, зал заседаний диссертационного совета)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л.Хетагурова «21» мая 2011 года. Режим доступа: www.nosu.ru.

Автореферат разослан «23» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
профессор

С.Р. Чеджемов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В северо-кавказской политике Российской империи в XVIII-XIX вв. особое значение имел конфессиональный аспект. Религиозная принадлежность долгое время оставалась преобладающей характеристикой в имперском восприятии различных народностей и рассматривалась как главный ориентир в освоении нового пространства.

Распространение христианства среди горских народов возводилось в ранг государственной политики Российской империи. Правительство считало православную миссионерскую деятельность основным инструментом политического воздействия на горцев Северного Кавказа и возлагало большие надежды на созданные в этих целях православные миссии. Сведения о бытовавших на территории древних христианских традициях укрепляли надежды на христианизацию горских обществ.

Однако, известная формула «самодержавие, православие, народность» не была единственной составляющей российской политики в горских обществах Центрального Кавказа. Российская империя формировалась не только как многонациональное, но и как многоконфессиональное государство. Прежде чем Россия вступила на Кавказ (соединяющий в себе язычество, христианство и различные течения ислама), она уже имела опыт сосуществования с мусульманскими народами. В политике России выработалась и отчетливо прослеживалась изменчиво-прагматическая конфессиональная терпимость. Привлечение местной аристократии, в том числе мусульманской, в высшие государственные круги также являлось характерной особенностью российской политики. Вместе с тем, в ней находил свое выражение и стереотип «христиане-союзники, мусульмане-враги», который сопровождал весь процесс интеграции региона в Россию.

Действия российских властей на Центральном Кавказе часто отличались противоречивостью. С одной стороны они признавали за

кабардинскими феодалами-мусульманами право распространять свою власть на соседние народы, надеясь с их помощью увеличить число российских подданных, а с другой – основывали православные миссионерские организации, которые действовали именно в горских обществах Центрального Кавказа и страдали от нападений кабардинской знати.

Народам Северного Кавказа на протяжении всей их истории был свойствен отчетливо выраженный религиозный синкретизм. В конце XVIII - начале XIX в.в. традиционные верования кавказских народов подвергались трансформации вследствие происходивших в регионе политических и социальных перемен.

Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа была неоднозначной, противоречивой, включала различные способы и методы, которые требуют глубокого осмысления. Актуальность ее исследования определяется особой значимостью религиозного фактора в процессе установления российско-кавказского взаимодействия, характере взаимоотношений и перспектив исторического развития горских обществ в российском экономическом, политическом, социальном и культурном пространстве.

В современных условиях межконфессионального противостояния исторический опыт российско-кавказского межконфессионального (христианско-исламского) взаимодействия приобретает особую актуальность и востребованность.

Объектом исследования является конфессиональная политика Российской империи в горских обществах Центрального Кавказа, среди осетин, балкарцев, карачаевцев и ингушей.

Предметом исследования стали формы и методы использования религиозного фактора, христианского и мусульманского, в российской политике, направленной на освоение Северного Кавказа: православное миссионерство, создание церковно-приходских школ, подготовка кадров священнослужителей из числа местных народов, использование

христианского и исламского духовенства в установлении российско-кавказских отношений.

Хронологические рамки исследования (середина XVIII - начало XX вв.) включают период установления и развития отношений России с горскими обществами Центрального Кавказа. В это время проходила активная деятельность православных миссий, формировалось духовенство в среде коренных народов, вырабатывались формы и способы использования местного православного и мусульманского духовенства в реализации российской политики.

Географические рамки исследования охватывают Балкарию, Осетию и Ингушетию. Выбор этих территорий обусловлен схожестью форм и способов реализации конфессиональной политики России, применением к ним широкого арсенала методов политического воздействия, а также возможностью проведения сопоставительного анализа результатов этой политики.

Методологической основой диссертации стали достижения современной исторической науки. Самым главным принципом в проведенном исследовании является объективность в подборе и оценке изучаемых фактов и явлений. Применение принципа историзма позволило определить исторические условия, в которых формировалась конфессиональная составляющая российской политики. В процессе исследования применялся структурно-функциональный метод для определения места и роли православных миссионерских организаций, а также мусульманского и православного духовенства в истории и культуре Центрального Кавказа. Историко-сравнительный метод исследования позволил определить общие закономерности и специфические особенности в реализации российской политики в горских обществах Центрального Кавказа.

Степень изученности проблемы.

Изучение религиозного фактора в кавказской политике является

сегодня одной из самых востребованных тем исторического кавказоведения. Практически все современные исследователи, занимающиеся проблемами Кавказа, уделяют этому вопросу пристальное внимание.

В историографии проблемы в последние годы сложилось несколько направлений.

Первое направление представляет исследования, в которых рассматриваются отдельные вопросы, затрагивающие православную составляющую российской политики на Кавказе. Это направление включает дореволюционные, советские и современные исследования. Следует указать работы В.С. Толстого, И. Беляева, П.Г. Буткова, А. Гатуева, И. Попова и ряд других.¹

В работе Высокопреосвященного Гедона, митрополита Ставропольского и Бакинского «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России» на основе многочисленных источников рассматриваются древнехристианские археологические памятники, история Кавказской и Владикавказской епархии и миссионерская деятельность среди горцев Северного Кавказа.²

В постсоветское время усиление конфессионального фактора в государственной и общественной жизни нашло отражение и в исторической науке. Снятие запретов с религиозной тематики привело к появлению большого круга исследований, связанных с православием в Осетии.³

¹ Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП. им. В.А. Гассиева, 1997; Беляев И. Русские миссии на окраинах. С-Петербург. 1900; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1.-СПб, 1869; Гатуев А. Христианство в Осетии. – Владикавказ, 1901 г; Попов И. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский. Киев, Б.Н., 1902.

² Гедон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М-Пятигорск, 1992.

³ Сланов И.А. Ардонская духовная семинария. Владикавказ: Проект-Пресс. 1999; Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX – начало XX в.в.) СПб: издательство СПбГУ, 1998. Дзатцеева Н.А. Время возвращает имена... Харлампий Цомаев – просветитель, деятель культуры. // Вопросы осетинской литературы и фольклора / Ред. А.А. Хадарцева. Владикавказ, 1993; Мецаев Э.М. Поборник разума и веры из Гизели // Северная Осетия, 2003. №28.; Берозов Б.П. Подвижник. Просветитель. Педагог. Поэт. // Социалистическая Осетия, 1990. №213; Кудзоев Б. Священник Цопанов Николай из Верхнего Ущелья // Ираф. 1999. №1; Суанов Е. Кто был Бола Тлийаг? (Бола

Основана книжная серия «Кавказ Христианский», в рамках которой переиздан труд протоиерея Алексия Гатуева «Христианство в Осетии».

В работах, посвященных светской культуре Осетии, общественной мысли, истории педагогики, также затрагиваются вопросы православия. В них религиозное образование и воспитание подвергаются критике и получают одностороннюю оценку как способ христианизации населения.

Второе направление включает общие исследования по истории взаимодействия России с окружающим мусульманским миром и с собственными подданными мусульманского вероисповедания (Д.Ю. Арапов А. Каппелер, Р.Г. Ланда, Е.И. Воробьева, Д.М. Усманова и др.)⁴

Третье направление представляет исследования, посвященные анализу взаимоотношений России с народами Северного Кавказа, исповедующими ислам (В.В. Дегоев, Н.Н. Великая, Е.Г. Битова, А.В. Малашенко, М.Ч. Кучмезова, Т.Е. Дзеранов и др.)⁵ В этих работах рассматриваются

Суанов – распространитель христианской религии, церковный художник) // Заря. 2001. 3 мая; Игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста: Джандар, 2006; Канукова З.В. Хубулова С.А. Религия в истории и культуре полиэтничного города.

Владикавказ в XVIII-нач. XXI вв. Владикавказ, 2006

⁴ Арапов Д.Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Ислам и право в России: Материалы научно – практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (СК, Поволжье). Вып.1. / Сост. и ред.: И.Л.Бабич, Л.Т.Соловьева. – М., 2004; Арапов Д.Ю. Россия и мусульманский мир // Сборник РИО. Том 7 (155). Россия и мусульманский мир / Под ред. Д.Ю. Арапова – М., 2003; Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – №4; Арапов Д.Ю. А.П. Ермолов и мусульманский мир Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – №6. – 2001;

Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. – 2003. – №2; Ланда Р.Г. История ислама в России // Россия и мусульманский мир: Бюллетень реф. – аналит. информ. – М., 2003. – №12 (138); Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. – 1997 Усманова Д.М. Российские мусульмане в правовом пространстве империи: соотношение общеимперского и мусульманского права в государственной доктрине на рубеже XIX-XX вв. // Ислам и право в России: Материалы научно – практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (СК, Поволжье). Вып.1. / Сост. и ред.: И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. – М., 2004.

⁵ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003; Великая Н. Н. Феномен «российского ислама» у караногайцев // «Российскость» в истории Северного

отдельные сюжеты, связанные с конфессиональной политикой России на Центральном Кавказе, применяемой в отношении балкарцев, карачаевцев, части осетин и вайнахских народов.

Таким образом, анализ состояния изученности проблемы позволяет сделать вывод об отсутствии обобщающего, объективного и всестороннего исследования конфессиональной политики России в горских обществах Центрального Кавказа.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы, опубликованные источники и периодическая печать.

В работе использованы материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А).

В РГВИА нами использованы материалы следующих фондов: Канцелярия Военного министерства (Ф.1), Главное управление Генерального штаба (Ф. 38), Департамент военных поселений (Ф. 405), Военно-походная канцелярия е.и.в. при Императорской главной квартире (Ф. 970), Штаб войск Кавказской линии и Черномории (Ф. 13454), Коллекции Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба (ВУА). Основная часть материалов представляет официальную делопроизводственную документацию: рапорты, отношения, предписания, докладные записки представителей российских органов власти на Кавказе по вопросу о состоянии религиозных представлений горских обществ, прошения, подписки представителей горских обществ, характеризующие их взаимоотношения с российскими властями. Используются также

Кавказа. Вопросы Северокавказской истории. Армавир, 2002. Вып. 7; Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003; Дзеранов Т.Е. Влияние монотеистических форм религии на духовную культуру осетин // (<http://www.citycat.ru/daryal/1998/3/dzeranov.html>)

статистические материалы фонда «Статистические сведения о Российской Империи» (Ф. 414).

В ЦГА РСО-А использованы фонды Терское областное правление (Ф. 11), Канцелярия начальника Терской области (Ф. 12), Владикавказское духовное училище (Ф. 149), Моздокская духовная консистория (Ф. 245), Комиссия для разбора личных и поземельных прав горцев Владикавказского военного округа (Ф. 233). В ЦГА РСО-А содержится обширный материал о состоянии епархии, ее приходах, церквях, монастырях и школах. Интересны документы фондов 11 (Терское областное правление), 12 (Канцелярия начальника Терской области), 143 (Владикавказская духовная консистория). В них заключена ценная информация о деятельности православных миссионеров, сведения об учителях церковно-приходских школ, Ардонской духовной семинарии, осетинских училищ, осетинского женского приюта.

Деятельность православных миссионеров с максимальной полнотой отражена в отчетах, представленных во Владикавказскую духовную консисторию (ф.143, оп. 1).

В фонде 149 Владикавказского духовного училища (ВДУ) были обнаружены сведения о подготовке кадров священнослужителей из числа осетин, содержащиеся в формулярных списках училища. Обширный материал по деятельности церквей был обнаружен также в фонде 147 Владикавказского окружного отделения епархиального училищного совета за 1876-1919 гг., где имеются подробнейшие отчеты, содержащие сведения о церковно-приходских школах.

Особую роль в исследовании играют материалы о благотворительной и просветительской деятельности русских, а позднее и осетинских священников. Они извлечены из переписки сельских причтов с духовной консисторией, отчетов о состоянии попечительств и богаделен, о сборах и пожертвованиях на нужды неимущих, о приходских школах (ЦГА РСО-А, фонды 147 – Владикавказского окружного епархиального училищного совета и др.). Значительная часть указанных источников впервые вводится в

научный оборот.

Вторую группу источников составляют опубликованные материалы, в том числе периодическая печать.

Наиболее ценными из опубликованных в дореволюционное время источников являются 12-томные «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК). В них находятся материалы, касающиеся российской политики на Кавказе с 1762 по 1862 гг., в том числе документы, отражающие конфессиональные особенности российской политики. Полезную информацию содержат отчеты Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888-1913 гг., которые позволяют обстоятельно описать деятельность православных миссий в горских обществах Центрального Кавказа. Ценные сведения содержатся также в отчетах Владикавказской духовной консистории, Владикавказской епархии, в рапортах Благочинных округов, отчетах настоятелей отдельных церквей, которые публиковались во «Владикавказских епархиальных ведомостях». В этой газете помещались сведения не только о проповеднической и миссионерской деятельности, но факты, свидетельствующие о благотворительной и культурно-просветительской работе.

Документальные сведения о деятельности Осетинской духовной комиссии среди осетин и ингушей, о попытках их христианизации содержатся в двухтомном сборнике документов «Русско-осетинские отношения в XVIII веке», составленным М.М. Блиевым.⁶ Материалы этого сборника включают списки крестившихся, описи ингушских и осетинских сел с указанием дворов и числа лиц, принявших от Осетинской комиссии христианство.

В «Сборнике документов по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.», составленном В.Н. Гамрекели содержатся материалы

⁶ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. (Сборник документов. Составитель М. М. Блиев). - Орджоникидзе: Ир, 1976 Т. 1- 312 с., Т.2 -516 с.

по вопросам социально-экономического, политического, а также культурного влияния грузинского феодального государства на северокавказские народы - ингушей и осетин. Показательны в этом смысле донесения ген. В.Я.Левашова в Коллегию иностранных дел и письма Вахтанга VI, в которых описывается положение дел в Грузии, а также сообщается о прогрузинской ориентации части ингушей.

Значительный источниковедческий интерес представляет дореволюционная периодическая печать, в частности, газета «Терские ведомости».

Цель диссертации заключается в изучении конфессионального аспекта российской политики в горских обществах Центрального Кавказа.

Конкретными задачами исследования являются:

- исследование роли «Осетинского подворья», «Осетинской Духовной Комиссии» и «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» в установлении русско-осетинских, русско-вайнахских и русско-балкарских отношений;
- определение способов и методов деятельности православных миссий; - определение роли православных миссий в развитии народного образования, в формировании осетинского духовенства как проводника российской политики;
- выявление механизмов использования российской администрацией мусульманского духовенства;
- определение результатов конфессиональной политики России в горских обществах Центрального Кавказа.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, самим предметом исследования. Впервые на широком историческом материале комплексно исследована конфессиональная составляющая российской политики в горских обществах Центрального Кавказа, выявлены механизмы ее реализации, определены общие закономерности и особенности в разных горских обществах, предпринята попытка анализа результатов деятельности

православных миссий и российской администрации. Наряду с введением в научный оборот новых источников, предпринимается попытка переосмысления уже известных материалов и исследований.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения изученного опыта в разработке современной политики России на Северном Кавказе, в формировании социокультурной составляющей стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа. Важность изучения деятельности православных миссий обусловлена и ее практической значимостью в условиях возрождения православной церкви и духовного сословия, для которого чрезвычайно важен исторический опыт церковно-практической деятельности.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории и культуре народов Северного Кавказа, а также в учебной и учебно-методической работе в региональных высших учебных заведениях.

Научная апробация.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на кафедре культурологии Центра социально-гуманитарного образования Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Основные положения диссертации излагались на ежегодных итоговых научных конференциях Северо-Осетинского государственного университета (2009, 2010 гг.), на конференции молодых ученых Владикавказского научного центра (2010), на международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания Владикавказа, а также опубликованы в 6 научных статьях.

Структура работы соответствует поставленным задачам и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, показана степень ее изученности, сформулированы цели и задачи исследования, дана характеристика источниковой базы, методологических принципов, определены объект и предмет исследования, его хронологические и географические рамки, научная новизна и практическая значимость.

В первой главе «Роль православия в установлении российско-кавказских отношений» рассматривается деятельность православных миссий среди осетин, ингушей, балкарцев и карачаевцев; выявляются формы деятельности христианских миссий, оцениваются ее результаты.

Россия, заинтересованная в развитии русско-осетинских отношений и присоединении к ней Осетии, решила укрепить свои позиции при помощи христианских миссий. Была сформирована Осетинская духовная комиссия, в которую вошли духовные лица из грузинских эмигрантов, поселившихся в Москве и Петербурге, а также представители Осетии – иеромонах Парфений и его ученики, принявшие христианство в Грузии. Инициатива учреждения этой миссии принадлежала грузинским духовным лицам, находившимся в Москве, – архиепископу Иосифу и архимандриту Николаю, подавшим в 1743 г. царице Елизавете Петровне челобитную о посылке для проповеди христианства среди осетин. Весной 1745 г. во главе с архимандритом Пахомием Осетинская духовная комиссия начала свою деятельность в Дигории, где представители феодальной знати, заключившие политический союз с кабардинскими князьями, объявили себя мусульманами. Работа Комиссии была небезуспешной: христианство приняли влиятельные осетинские фамилии. После Дигории миссионеры приступили к крещению представителей Туальского и Алагирского обществ.

По мнению Синода и Коллегии иностранных дел, комиссия мало занималась распространением христианства в Осетии и не выполняла поставленной перед ней политической задачи – подготовки осетин к принятию российского подданства. Это стало причиной, по которой

российское правительство решило кардинально изменить состав Осетинской духовной комиссии. В 1771 году вместо грузинских духовных лиц в нее были введены русские священники во главе с протопопом Афанасием Лебедевым, по рекомендации которого Синод разработал специальную «Инструкцию» по активизации миссионерской деятельности.

С 1771 по 1792 год Осетинская Духовная Комиссия обратила в христианство 6657 человек. Начиная с 70 годов XVIII столетия деятельность Осетинской Духовной Комиссии была восстановлена, и с этого времени начинается новый период существования кавказской русской миссии. Постоянным местопребыванием миссии был определен Моздок.

Миссионерская деятельность Осетинской Духовной Комиссии продолжала успешно развиваться и оказалась значительно плодотворнее, чем в предыдущие годы. Русская миссия в Осетии с 1771 г. по 1790 г. крестила до 6000 осетин. Участились случаи крещения видных осетинских старшин. В этой связи Екатерина II в 1792 г. повелела «означенных осетинцев охранять от всяких приставаний прочих горских, а паче кабардинцев».⁷

19 апреля 1793 года в Осетии была открыта самостоятельная епархия, первым епископом которой стал Гай, именовавшийся епископом Маджарским и Моздокским. В 1799 г. указом Святейшего Синода была упразднена Моздокская епархия и ее монастыри. Закрытие Моздокской епархии было шагом назад в истории восстановления и утверждения православия на Кавказе.

Обеспокоенные успехом ислама в среде горских народов, военные власти решили возобновить миссионерство. В связи с этим в 1814 г. в третий раз была открыта Осетинская Духовная Комиссия. Местопребыванием ее был определен Тифлис, столица Грузии, так как, с присоединением Грузии к России, сфера деятельности комиссии расширялась. В ее задачи входило также распространение и восстановление христианства не только среди осетин, но и среди других горских народов.

⁷ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. – СПб, 1869. – Ч.1.

В первый же год своей деятельности Комиссия, по отчету архиепископа Досифея, крестила 14218 душ обоего пола, а для строительства церковей ей было выделено 24000 рублей.⁸

С 1817 – 1821 гг., в период деятельности архимандрита Феофилакта число новообращенных достигло 47100 человек, построено и восстановлено из развалин 29 церковей. Благодаря его усилиям на осетинский язык были переведены богослужебные книги: утренние и вечерние молитвы, катехизис, литургия и др. По сведениям А. Гатуева, до 1850 г. в Осетии наблюдалось ослабление христианства, чему способствовало также и отсутствие православных храмов, поэтому с 1849 г. духовная комиссия начала строить новые церкви и восстанавливать старые. В 1849 г. были построены церкви в сел. Зарамаг, в 1853 г. – в сел. Кадгарон, в 1854 г. – на Садонском руднике, в 1855 г. – в Тибе, в 1858 г. – селениях Какадур, Хумалаг, Лац, Ардон, Заке, Вольно-Христиановском, в 1859 г. – в с. Галиат и Дарг-Кох.⁹

Небольшие православные церкви строились по инициативе миссионеров и новокрещенных осетин, но это явление не было показателем уровня христианизации. Многие осетины воспринимали их как святые места, не отличающиеся от традиционных святилищ. Члены Осетинской комиссии открывали в Осетии частные школы. Это начинание находило поддержку среди осетин.

В 1860 г. Осетинская духовная комиссия была заменена «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе». Наместник Кавказа А. И. Барятинский, излагая императору свои взгляды на управление краем, не последнее место отводил распространению в горах христианства, полагая, что «для достижения этой цели нужны особые учреждения в самом обширном размере». В горах за счет казны было построено несколько церковей, а священнослужителям определялось добавочное содержание, если они открывали школы при своих церквах. Все эти меры в основном касались

⁸ Знаменский П. Учебное руководство по истории Русской церкви. – Изд. II – СПб, 1904.

⁹ Гатуев А. Христианство в Осетии. С. 68

Осетии.

Судя по отчетам архимандритов, дело обращения осетин в христианство было поставлено на прочную ночву и стало важнейшим фактором развития русско-осетинских отношений.

Начало деятельности Осетинской духовной комиссии среди ингушей приходится на 1756 год, когда иеромонах Григорий впервые предпринял попытку «проповедовать им имя Христово и советовал быть им под покровом всемилостивейшей нашей государыни». ¹⁰ Ингушские общества заявили о своем желании креститься, считая, что после этого смогут рассчитывать на поддержку России в решении своих социально-экономических и политических проблем, в числе которых главными были малоземелье и защита от внешних врагов.

В августе 1756 г. архимандрит Арсений со своими подчиненными совершил обряд крещения ингушей. ¹¹ Кистинцы же в свою очередь высказали просьбу, «чтоб обряд церковной как надлежит у них усилить и проповедь распространить и в какой милости осетинцы и под покровом всемилостивейшей нашей государыни обретаютца и свободно приезжают в Кизляр, - в такой же милости и под покровом их, киштинцов, иметь и свободно ж в Кизляр им ездить дозволить». ¹² В ответ на это уже в марте 1757 г. Сенат принял решение «означенных воспринявших веру грекороссийского исповедания киштов, и которыя впредь принять пожелают и окрестятся, - содержать так, как и осетинцев велено под протекциею ея императорскаго величества и в Кизляр ездить им позволить на таком же основании, как и осетинцы, свободной проезд имеют». ¹³

Такое решение Сената стало толчком к крещению большого числа ингушей, которые стремились, по примеру осетин, получить право беспошлинной торговли в Кизляре, а главное – равнинные земли. Важно

¹⁰ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. (Сборник документов. Составитель М. М. Блиев). - Орджоникидзе: Ир, 1976.С. 394

¹¹ Там же, С. 29-31

¹² Там же. С. 395

¹³ Там же. С. 418

отметить, что политические намерения российских властей совпадали с жизненно важными интересами ингушей.

Разрешение переселяться на равнинные земли, в урочище Моздок, было встречено ингушами с большим удовлетворением. Процесс переселения сопровождался финансовой поддержкой российского правительства.

Российские власти, понимая, что в деле усмирения горцев положительную роль могла сыграть их дальнейшая христианизация, приступили к активизации миссионерской деятельности.

В середине XVIII века ингуши, принимая христианство, пытались решить и проблему устранения угроз от кабардинских феодалов, ликвидации даннических отношений, закрепление их на равнине, выход из замкнутого горного пространства. Адептами христианства становились в первую очередь те, кто находился на службе у царизма, а также те, кто стремился обеспечить своим детям получение образования в лучших российских учебных заведениях. Ингуши просили о принятии своих детей «во Владикавказское Духовное училище, и на полное казенное содержание, и о присоединении их к православной Грекороссийской вере», давали подписки «в том, чтобы означенные дети, по окончании курса наук, поступили в Духовное звание».¹⁴ Российские власти, в свою очередь, не препятствовали этому процессу, и молодые ингуши получали возможность обучения в вышеуказанном духовном училище.¹⁵

Принимая христианскую веру, некоторые ингуши получали доступ к российским учебным заведениям. Так, судя по списку, составленному в 1870 г., молодым ингушам, воспитывающимся в учебных заведениях вне пределов Терской области и Ингушевского округа, они обучались в Ставропольской классической гимназии, во Владикавказской реальной прогимназии, в

¹⁴ ЦГАРСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 38.Л. 3, 3об, 8

¹⁵ ЦГАРСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 80.Л. 4 об; ЦГАРСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 386.Л.5; ЦГАРСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 391.Л.6 об; ЦГАРСО-А. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3.Л.4 об,9 об.

Воронежской военной гимназии и др.¹⁶

Однако официальная христианизация ингушей вовсе не означала глубокого влияния православия на общественное сознание, социальную практику, духовную культуру ингушей. Представители духовенства отмечали, что вера у них была неглубокой, а приверженность к ней зачастую определялась конкретной политической ситуацией. Известны случаи отказа от веры, когда российская администрация пыталась распространить на них свое законодательство.

Итак, православие не пустило глубоких корней среди ингушей, оно было всего лишь инструментом российской политики, направленной на освоение региона. Со стороны ингушей декларированное принятие христианства тоже было способом решения своих экономических и политических проблем. Укрепление православной веры, пожалуй, не входило в задачи ингушских обществ. Поэтому значение деятельности Осетинской духовной комиссии, почти на четыре десятилетия ставшей чуть ли не единственным звеном, соединившим ингушей, как и других горцев, с Россией, заключается не в их христианизации, а в установлении политического и хозяйственно-культурного взаимодействия с Россией.

В Балкарском ущелье деятельность миссии не была столь успешной. Проповедники добивались перехода в христианство за счет «раздачи денег и подарков», многие ново-крещенные ради получения дополнительных выгод подвергали себя этой процедуре несколько раз.¹⁷ Естественно, что такие «христиане» легко отказывались от своих убеждений и переходили в другую веру. Примитивный подкуп не мог дать надежных результатов, и поэтому успехи миссионеров были более чем скромные. Формально окрещенное балкарское население вскоре после отъезда проповедников вернулось к своим прежним религиозным представлениям и продолжало молиться у

¹⁶ ЦГАРСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 2.Л. 94, 94 об

¹⁷ Русские авторы XIX вв. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х. М. Думанов Т. 1. Нальчик, 2001.С. 35

древних святилищ и слушать мусульманских проповедников.

Однако попытки российского правительства использовать христианскую религию для решения политических задач продолжались. Следующий этап миссионерской практики в Балкарии начался в 1822 г. Архиепископ Иона обратился к генералу Ермолову с просьбой продолжить начатое дело. В его письме, в частности, говорилось: «Между горскими народами, окружающими Грузию, остаются в язычестве бассиане и ингуши. Оба эти народа, по удостоверению миссионеров Осетинской духовной комиссии, к ним отправлявшихся, склонны к принятию христианства, но боятся обиды от черкес».¹⁸ Однако главноуправляющий А. П. Ермолов активизацию кавказской политики России связывал отнюдь не с проповедями, а с силой оружия. На это обращение он ответил, что уже предпринимались попытки «озарить сей народ светом истины, и он по-прежнему остался во мраке безбожия... Просвещение народов сих светом Евангелия надо предоставить до времени особенной благодати божией».¹⁹ В царствование Николая I с учетом всех прежних недостатков в миссионерской работе возобновилась проповедническая деятельность православной церкви, особенно на Центральном Кавказе. По-прежнему в миссионерах видели не только людей, несущих горским народам слово Божие, но и представителей российской государственности, приобщавших горцев к законам и порядкам империи. В это время вновь имели место попытки обращения балкарцев в христианство, но они были явно безуспешны. Все более прочные позиции занимал ислам, и заметных результатов в деле распространения христианства среди балкарцев российскому правительству достичь не удалось.

Во второй главе «Местное духовенство и знать как инструмент реализации российской политики» рассматривается формирование православного духовенства в среде осетин, а также использование исламского духовенства и знати в политике российской администрации.

¹⁸ АКАК. Т. 4. Тифлис, Ч. 1. С. 423

¹⁹ Там же. С. 424, 425

Эти задачи составляли основной предмет деятельности «Общества восстановления православного христианства на Северном Кавказе», которое активно занималось строительством церквей, материальной поддержкой духовенства, переводом церковнославянских книг на местные языки, подготовкой учителей и открытием церковноприходских школ. С 1860 года Общество стало содействовать строительству школ. Совет «Общества» всегда был внимателен к нуждам всех школ Осетии, удовлетворяя по возможности их неотложные потребности.²⁰ При Тифлисской духовной семинарии в 1866 году был создан Духовный комитет, который наблюдал за процессом обучения осетин.

В развитии родного языка, письменности, культуры особенно велика роль отдельных представителей местной духовной интеллигенции, которые свою проповедническую деятельность в русле православного христианства удачно сочетали с учительской деятельностью. Среди этих людей можно назвать такие имена как В. Цораев, А. Аладжиков, М. Сухиев и др. Одной из наиболее крупных фигур, был протоиерей Аксо (Алексей) Колиев.

Значительным событием в жизни Владикавказской епархии стало учреждение в 1895 г. — на базе Осетинского духовного училища — Александровской миссионерской духовной семинарии в селе Ардон. Количество воспитанников в ней достигало 150 человек. Семинария сыграла большую роль в укреплении церковноприходской жизни в христианских селах Северной Осетии. Почти во всех осетинских приходах к началу XX века священниками служили воспитанники этой семинарии. Как свидетельствуют источники, практически все должности священников занимали закончившие высшие духовные заведения осетины, а на должностях псаломщиков находились местные осетины, закончившие церковно-приходские школы, или учителя церковно-приходских школ.

Начало XX века ознаменовалось деятельностью таких представителей осетинской духовной интеллигенции, выпускников Александровской

²⁰ Кавказ, 1899. № 624

Ардонской семинарии как Афанасий Албегов, Тимофей Габуев, Александр Токаев, Александра Кодзаева и др.

В 1888 году из 26 приходов, обозначенных в отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе, 12 возглавляли осетинские священники, а в 11 приходах осетины были и причетниками. В 17 школах учителей-осетин насчитывалось 41 человек, в том числе женщин – 6.²¹

Подвижническая деятельность духовной интеллигенции была многогранна: от личного участия в просвещении горцев, расширения школьной сети до перевода духовных книг на родной язык и ознакомления широких масс с русской культурой. Усилия православных российских миссий и местной духовной интеллигенции по устройству церковно-приходских школ привели к обновлению осетинского общества. Церковно-приходские школы выполняли не только отведенную им миссионерскую функцию. Они способствовали распространению грамотности, духовному развитию осетинского народа, его приобщению к русской и мировой культуре. Такие школы играли роль связующего звена Осетии с культурным полем Российского государства.

Приоритетное значение для российского правительства в тот период имела задача политической организации покоренного пространства и построение административной «вертикали», доходившей до самого удаленного ущелья. Для этого было необходимо гибкое прагматичное приспособление к существующим реалиям, с использованием соответствующей дипломатической и социальной стратегии, с учетом конфессиональных предпочтений населения.

Мусульманскому духовенству и местной знати, исповедовавшей ислам, отводилось определенное место в системе административного управления. Они учились взаимодействовать со светскими властями и наоборот.

²¹ Отчет общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 год. С.88

Немаловажную роль в конфессиональной политике играла система образования и просвещения горских народов, позволявшая готовить кадры духовенства в среде местных народов, например, осетин.

Привлечение «инородческой» аристократии из числа мусульман – осетин, балкарцев, ингушей - также являлось характерной особенностью функционирования российской администрации. Со второй половины XIX века новая система администрирования – военно-народное управление - требовала участия нового типа чиновников – лояльного российской власти и имеющего власть и авторитет в своей этнической среде. В основном, это были представители мусульманской знати. Именно такие люди становились проводниками российской политики на местах.

Положение мусульманского нобилитета на Кавказе имело свою специфику. Отношения в обществе здесь еще во многом регулировались нормами обычного права. Знать горских обществ в основном сохранила собственность на землю и скот, служила на военной и гражданской службе, получала чины, ордена и звания, статус личного дворянства. Практически все средние и низшие должности в системе местного управления мусульманских районов были заняты представителями мусульманской элиты.

На протяжении всего XIX века правительство оказывало постоянную поддержку социальным верхам Северной Осетии, мусульманам по вероисповеданию. Так, генерал Ермолов писал: «Старшины дигорские опасаются, чтобы народ простой, вышедший на плоскость, не отказался от повиновения им, паче тем из них, которые управляют им, не будучи сами христианами, но вы внушите им, что правительство не лишит их принадлежащих им прав, и простой народ вразумите, что он должен быть им послушен и исправлять повинности»²²

Российское правительство стремилось создать себе социальную опору в лице местной знати и давало такие установки: «главная цель горского управления должна состоять в том, чтобы восстановить высшие сословия

²² Материалы по истории Осетии, Т.2.С. 125-126

там, где сохраняются еще следы их, и создать таковые вновь, в тех местах, где они не существуют»²³.

Правительство проводило сословную политику поддержки исламизированной горской знати, предоставляла ее представителям крупные земельные участки на равнине и различные привилегии: офицерские чины, дворянские звания, поощряло обучение детей из знатных фамилий в военных школах империи. Из их среды вышло много офицеров и чиновников. Находившиеся на царской службе осетинские феодалы стремились закрепить за собой права русских дворян и закрепостить крестьян.

В Балкарии расчеты представителей царской администрации в начале XIX в. добиться христианизации были уже во многом иллюзорными, поэтому в начале XIX в. российская военная администрация стремилась использовать мусульманских священников в политических целях. Основным принципом такого взаимодействия становилась лояльность к российской власти. Так, из прошения мусульманского духовного служителя Баксанского общества Гази Эфенди становится известно, что он содействовал процессу приведения к присяге некоторых горских обществ. Ингушские верхи, в свою очередь, были также заинтересованы в союзе с российскими властями, пытаясь с их помощью укрепить собственное положение внутри своих обществ и в противостоянии с политическими противниками.

При наличии общих закономерностей, определенных российской политикой, она имела и специфику, которая в итоге предопределила и результаты православного миссионерства среди осетин, балкарцев и ингушей. Россия в результате целого ряда предпринятых мер добилась формирования на Северном Кавказе особого конфессионального пространства, в рамках которого ислам был во многом адаптирован не только к традиционным воззрениям горцев, но и к христианству.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Рассмотрение проблемы применительно к горским обществам XIX в.

²³ АКАК.Т. 5. С. 1287

позволяет сделать обобщенный вывод о том, что религиозная политика России опиралась на некоторые общие принципы, но проводилась дифференцированно, в зависимости от политической и конфессиональной ситуации в отдельных горских обществах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

**Научные статьи, опубликованные в журналах,
рекомендованных Перечнем ВАК РФ.**

1. *Наскидаева Е.Х.* Деятельность Осетинской Духовной комиссии среди горцев Центрального Кавказа (вторая половина XVIII-начало XIX в.в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета общественные науки, Владикавказ 2010, №3. С. 30-34
2. *Наскидаева Е.Х.* Мусульманская элита в кавказской политике Российской империи (на примере горских обществ Центрального Кавказа) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета Общественные науки, Владикавказ 2010, №2. С. 21-24.

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

3. *Наскидаева Е.Х.* Роль православия в установлении российско-ингушского взаимодействия (XVIII-XIX в.в.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009 Выпуск №1, С.18-24.
4. *Наскидаева Е.Х.* Роль православия в установлении российско-осетинских политических отношений (XVIII-XIX в.в.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. Вып.2. С. 22-29.
5. *Наскидаева Е.Х.* Конфессиональная политика России в Балкарии // Труды молодых ученых №4 Владикавказ: издательство ВНИЦ РАН 2010 С. 172-175.
6. *Наскидаева Е.Х.* Строительство храмов как основа церковно-практической деятельности Российских православных миссий на Кавказе // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л.Хетагурова, 225-летию основания Владикавказа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010 С. 88-91.